

РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА

Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров

Прошло только 10—12 лет со времени орфографической реформы, и уже появилась настоятельная потребность в новой. Чем это объясняется? Конечно, не теми изменениями в литературном языке, которые произошли за годы революции. За эти годы подверглась сильным изменениям главным образом лексика, а не звуковая и грамматическая система языка. Потребность в новой реформе вызывается не новыми изменениями в языке, а органическими дефектами реформы 1917 г. Не имея возможности за недостатком места остановиться на принципах, легших в основу этой реформы, мы только укажем, что главным дефектом ее является отсутствие принципиальной точки зрения на письменный язык и его соотношение с языком устным, в связи с чем должен быть разрешен вопрос о принципах рациональной орфографии. Благодаря этому реформа оказалась недостаточной, непоследовательной, местами противоречивой и естественно, что теперь потребовался новый пересмотр орфографии.

Уроки реформы 1917 г. обязательно должны быть учтены, и новая реформа должна быть проведена со всей той принципиальностью, какой заслуживает этот важнейший общественный вопрос.

Литературный язык немыслим без письменности, и поэтому вопрос о взаимоотношении систем письменного и устного языка приобретает принципиальное значение.

Каково же это взаимоотношение? Оставляя в стороне идеографическое письмо, мы рассмотрим лишь письмо звуковое.

Под звуковым письмом мы имеем в виду такое письмо, которое построено на известном соотношении звука и его графического изображения — буквы. Звуковое письмо может быть либо фонетическим, либо фонологическим, либо традиционно-этимологическим.

Традиционно-этимологическое письмо по самой его сущности нельзя считать принципом письменного языка, поскольку оно не соотносено с новым языковым сознанием и поскольку в нем отра-

жаются явления языковых систем различных эпох. Совершенно ясно, что рациональная орфография не может базироваться на традиционном письме.

Фонетическое письмо основано на соответствии между обозначающим — буквой и обозначаемым — звуком. Оно стремится передать более или менее точно каждый произнесенный звук во всей его конкретной данности. В идеале — это научная транскрипция.

При фонологическом письме соответствие между буквой и звуком отсутствует. Фонологическое письмо не стремится изображать каждый звук в том виде, как он реально был произнесен говорящим. Оно передает только те звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно — одно значение от другого. Не всякое изменение звукового качества связано с дифференциацией значения. Многие звуковые различия зависят лишь от того или иного фонетического положения и не связаны с различиями в значении. Так, например, в словах *лѣс*, *о лѣсе*, *лесá*, *леснѣк*, *лесовѣд* в корневой морфеме произносится каждый раз неодинаковый по своему качеству гласный звук, отличающийся характером артикуляции и той или иной долготой.

Все эти звуковые отличия при фонологическом письме не передаются, так как они — результат артикуляционного приспособления к фонетическим условиям и не связаны с изменением значения корневой морфемы, поскольку последняя во всех приведенных примерах имеет одно и то же значение.

Современная лингвистика проводит строгое различие между такого рода звуковыми отличиями и звуковыми отличиями, связанными с дифференциацией значения, с дифференциацией морфемы.

Звуковое качество, дифференцирующее морфемы языка, называется *фоной*¹. Фонема — это идеальное языковое задание, то «общее», которое под влиянием актуальных фонетических факторов реализуется в различных звуковых комбинаторных вариантах в «отдельном». Звук лишь постольку можно считать фактором языка как явления социального, поскольку он соотносится фонеме, поскольку он является реализованным в данном фонетическом контексте вариантом фонемы. И без соотношения с фонемой, дифференциальным социально-значимым элементом речи, звук есть чисто природное внеязыковое явление.

¹ Историю, хотя и неполную, термина «фонема» в его различных пониманиях см.: П. Г. Стрелков. К вопросу о фонеме. «Сб. Об-ва исторических, философских и социальных наук при Пермском ун-те», 1929, вып. III, стр. 219.

Фонологическое письмо отвечает социальной природе языка, потому что оно передает не звуки в отрыве от их значения, а фонемы. Поэтому фонологическое письмо в отличие от фонетического основано не на соответствии буквы и звука, а на соответствии буквы и фонемы².

Фонетическое письмо, асоциальное по своей сущности, никогда не может проводиться последовательно. Иначе это будет транскрипция, передающая звуковые оттенки индивидуального говорения. Вместо того, чтобы быть наиболее общим орудием культурного общения, письменный язык при последовательном проведении фонетического принципа будет мешать языковой коммуникации, поскольку в этом случае неизбежно придется иметь столько орфографических систем, сколько пишущих людей. Реально фонетическое письмо всегда является компромиссом с фонологическим. Так, например, едва ли даже при фонетическом письме для русского языка нужно было бы иметь три-четыре знака для обозначения гласного «е» более высокого или низкого подъема (*пел, петь* и др.) или столько же знаков для обозначения *a, y* — более заднего или переднего ряда (*мал, мял, мять* и др.). Если же мы не будем обозначать этих оттенков, мы приблизимся к письму фонологическому.

Даже в том случае, если фонетическое письмо будет стремиться отвлечься от индивидуальных звуковых особенностей говорящего и в порядке генерализации отобразит типические черты какого-либо говора, то и тогда пользование этим письмом будет ограничено лишь кругом лиц, говорящих на данном диалекте. Между тем специфическая задача литературного письменного языка как орудия культуры общественно-политической жизни страны именно в том и заключается, чтобы преодолеть языковую разобщенность отдельных диалектов. Особенно вырастает эта роль литературного языка в наше время, когда он перестает быть достоянием узкого круга «орфоэпически» говорящей интеллигенции, а становится достоянием широких масс рабочих и крестьян, впервые приобщающихся к культуре. Задача орфографии — обслужить не только орфоэпический московский говор и другие диалекты литературного языка (ведь совершенно ясно, что в настоящее время нельзя говорить о едином литературном языке), но в значительной мере и местные говоры. Все это недостижимо средствами фонетического письма.

Наибольшие различия между отдельными диалектами русского языка имеются в звуковой стороне, но эти различия заключаются

² Обоснование фонологического письма см.: Н. Яковлев. Материалы для кабардинского словаря, вып. 1. М., 1927, стр. XXXIX и сл.

не в системе фонем, которая в значительной мере обща для большинства русских говоров, а в тех комбинаторных вариантах, на которые распадается отдельная фонема.

По различным русским говорам мы находим следующее произношение:

1. *водовѳс, водѳ, вѳды*
2. *вѳдовѳс, водѳ, вѳды*
3. *вѳдавѳс, вадѳ, вѳды*
4. *вѳдавѳс, вѳдѳ, вѳды*

Корневой гласный как фонема един для всех этих говоров, между тем как комбинаторные варианты этой фонемы везде различны.

То же по отношению к согласным: встречаемое по различным говорам произношение — *лаѳки, лаѳ'ки, лах'ки, лауки, лаюки* имеют разнообразные комбинаторные варианты одной и той же согласной фонемы *в*, поскольку во всех этих говорах имеется форма *лавок, лавочка* и др.

Преодолеть все это звуковое многообразие совершенно не по силам фонетическому письму, но именно это достигается средствами письма фонологического, поскольку оно графически изображает общие для большинства диалектов фонемы. Следовательно, единственным принципом рациональной орфографии, который может быть последовательно проведен, является принцип фонологический.

Передавая фонемы, а не звуки, фонологическое письмо осуществляет единство в написании морфемы. Благодаря этому фонологический принцип обычно называют морфологическим. Такое название не вполне точно, так как единство в написании морфемы является результатом единства написания фонемы³. Последнее является большим достоинством фонологического письма. Орфография как социальный институт должна учитывать интересы обеих сторон языковой коммуникации — и пишущего, и читающего. Преимущество фонологического (или морфологического) письма перед фонетическим заключается в том, что оно, создавая единство зрительного образа морфемы, значительно облегчает процесс чтения.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению проекта Главнауки о новом правописании. К сожалению, из-за недостатка места нам придется во многих случаях строить свои замечания без широкой аргументации, кратко и конспективно.

³ Несмотря на это, термином «морфологический принцип», ввиду его общепринятости, мы в дальнейшем пользуемся в качестве синонима термина «фонологический принцип».

Какова принципиальная установка проекта Главнауки? «В основу предложений орфографической подкомиссии положены фонетический и морфологический принципы в их органической связи с неизбежным уклоном в сторону фонетики, посредством приближения к действительно общим установившимся нормам русского литературного произношения, поскольку, конечно, в нем отстоялись определенные социальные нормы (чего, например, нет в случае с безударными гласными) и поскольку фонетизация письма сама не противоречит живой морфологической ассоциации»⁴. Трудно себе представить более нечеткие и расплывчатые формулировки, чем те, которые здесь даны. Почти каждое положение в этой цитате вызывает недоумение. Что такое «органическая связь» фонетического и морфологического принципов? Как может уживаться «неизбежный уклон в сторону фонетики» с требованием, чтобы «фонетизация письма» не противоречила «живой морфологической ассоциации»?

Такая неотчетливость проистекает из не совсем ясного представления о сущности фонетического письма. Не всякое соответствие звука букве есть фонетическое написание. Было бы неверно думать, что такие написания, как *дом, стол, сон, старик, рука* и др., являются написаниями фонетическими. Они столь же фонетические, сколь и морфологические (фонологические), поскольку передают основные виды фонем, произносящихся здесь. Таким образом, фонетизм здесь мнимый.

Говорить о выборе фонетического или морфологического принципа можно лишь там, где нужно решить — передавать ли комбинаторные варианты фонем, их фонетические модификации, или нет. В первом случае письмо будет фонетическим, во втором — морфологическим. Следовательно, мы можем писать либо фонетически — *вада, акно, патхот*, либо морфологически — *вода, окно, подход*. Конечно, ни о какой органической связи не может быть и речи. Произвести «фонетизацию письма» без противоречия «живой морфологической ассоциации» — дело совершенно невозможное. «Неизбежный уклон в сторону фонетики», как он проводится дальше в проекте, оказывается в большинстве случаев не применением фонетического принципа, а отказом от традиционно-этимологических написаний в пользу морфологических. Такое недоумение явилось следствием смешения понятий — «морфологический» и «этимологический» принципы.

⁴ «Проект Главнауки о новом правописании». — В кн.: «Работники просвещения». М., 1930, стр. 25. — В дальнейшем ссылки делаются на это издание.

Недостаточная отчетливость принципиальной установки проекта не могла не сказаться на тех конкретных предложениях, которые в нем делаются. Однако, несмотря на это, живое языковое чутье авторов проекта во многих случаях правильно подсказывало им то или иное решение.

. . . Значительно большие возражения вызывают, к счастью немногочисленные, пункты, действительно основанные на фонетическом принципе. Это — пункт 4-й о написании буквы *ы* после шипящих и *ц*, пункт 12-й о глагольных флексиях и пункт 20-й о написании инфинитива на *ться*.

Упрощение — это прежде всего установление единообразия. Этому не удовлетворяет пункт 4-й. Вместо существующего единообразного написания буквы *и* после шипящих предлагается писать *ы* в одних случаях, *и* в других (*жить, разжылся, но — жужжит, приезжий*). Такое правило устанавливается в соответствии с орфоэпическим произношением шипящих. Однако распространение последнего ограничено сравнительно узким кругом говоров, и значительно более широко распространено произношение долгих шипящих твердых (во всех южновеликорусских говорах, в большей части северновеликорусских). Поэтому введение этого правила не только не облегчит правописания, но внесет новые затруднения. Если при существующей орфографии написание *и* после шипящих не представляет больших затруднений и на усвоение этого правила тратится, как указывается в проекте, немного времени, то на усвоение нового правила времени потребуется гораздо больше. Конечно, необходимо здесь установить одно написание — или *ы* или *и*. Целесообразное решение вопроса — оставить существующее написание *и*, распространив его и на все случаи после *ц* (т. е. писать, например, *ципленок, кузнеци*). Такое решение диктуется тем, что в русском языке нет самостоятельной фонемы *ы*, и звук *ы* является лишь комбинаторным вариантом фонемы *и*⁵. Фонема *и* в положении после твердых согласных модифицируется, образуя гласный *ы* (ср., например, *Иван* — к *Ывану, играт'* — *ръзыграт'*). Поскольку шипящие и *ц* тверды, постольку после них произносится *ы*, а не *и*. При этом *ы* после шипящих несколько более переднее по своему образованию, чем после других твердых согласных (ср. *жил* — *был*), а в положении перед мягкими согласными после шипящего произносится гласный не среднего,

⁵ См.: Бодуэн де Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб, 1912., § 44; см. также: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. Prague, 1929, стр. 10, 102.

а передне-среднего ряда (ср. *жить*, *шить* и *жил*, *был*). Употребление *ы* и *и* совершенно аналогично в нашем письме употреблению *а*, *я* и *у*, *ю*: после мягких согласных пишется *и*, *я*, *ю*, после твердых — *ы*, *а*, *у*. После же тех согласных, которые не имеют парных соответствий твердого и мягкого, пишется (непоследовательно лишь после *ц*) *и*, *а*, *у*. Совершенно неправильно рассуждение авторов проекта о том, что «это явления не однородные: *ы* обозначает иной звук, чем *и*, а не только твердость предшествующей согласной, буквы же *я*, *ю* — условные обозначения звуков *а*, *у* с предшествующей согласной». Буквы *я*, *ю*, так же как и *ы*, кроме указания на качество предшествующего согласного, «обозначают и иной звук» — ср., например, *мат*—*мять*, *раб*—*рябь*, где буква *а* соответствует в произношении гласному заднего ряда, а буква *я* — переднего. Однако, несмотря на это, буквы *я*, *ю* являются знаками не этих комбинаторных вариантов фонем *а*, *у*, но синонимами буквы *а*, *у*, указывающими на мягкость предшествующего согласного. Точно так же и различие *и*, *ы*, знаков одной и той же фонемы, нужно не для того, чтобы обозначить различные гласные звуки, а для того, чтобы отметить качество предшествующего согласного. В русском языке твердые и мягкие согласные образуют различные фонемы, и обозначение их в письме необходимо. Ср., например: *рад*—*ряд*, *мать*—*мять*, *люб*—*любь*, *вол*—*вёл*, *мил*—*мыл*, *нит*—*ныть* и др.

... В заключение вкратце коснемся двух пунктов, отвергнутых комиссией. Вполне рационально было бы с фонологической точки зрения ввести написания *ой*, *ей* в флексиях прилагательных. Традиционные написания *ый*, *ий*, вопреки утверждению комиссии (стр. 51), находятся в противоречии не только с огромным большинством русских говоров, но и с московским произношением, где мы имеем *ъ* — комбинаторный вариант фонемы *о*. В особенности разительно это противоречие после задненёбных. Ведь нельзя же считать орфоэпическим произношение *русский*, *тихий* и др. Введением написания *ой* мы достигли бы полного параллелизма в парадигмах с ударенными и неударенными флексиями (*какой* — *красной*, *каково* — *красново*, *какому* — *красному* и т. д.). При написании с *ей* гласный флексии также проводился бы последовательно (*синей*, *синево*, *синему* и т. д.).

В результате отмеченной выше путаницы между этимологическим и морфологическим принципами орфографическая комиссия отвергла восстановление морфологического написания приставок *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез*. Один из самых неудачных пунктов реформы 1917 г. остался без изменения, между тем как педагогическая практика настойчиво требует морфологизации этого пункта. Существующее написание насилует живое морфологическое чутье учащихся. Приходится преодолевать не только живые связи

приставок перед глухими с приставками перед звонкими, сонорными и гласными, но и совершенно законные связи приставок с предлогами, поскольку в современном языке можно отметить многочисленные переходные случаи между ними (например, в наречиях). Отсюда ошибки — *бесплатный* и *бес платы*. В случае введения морфологического написания приставок, конечно, все равно мы не будем писать слово *восток* или *исчезнуть* с буквой *з*, поскольку для современного языкового сознания здесь нет никакой приставки. Как и во всяких других языковых явлениях, и здесь имеются переходные случаи (что считать с приставкой, что нет), но они совершенно единичны.

Разобранный проект о новом правописании ясно показывает его преобладающий морфологический (фонологический) характер. При дальнейшей разработке морфологический принцип должен быть проведен более последовательно, так как только этот принцип может быть положен в основу рациональной орфографии.

[«Русский язык в советской школе», 1930, № 1, стр. 110—118. — Статья приведена в извлечениях]